VISIT…

LANZAROTE

Caliente.com

ДАРВИН: СТРАСТЬ К ОХОТЕ И УБИЙСТВУ

Джерри Бергман,
преподаватель биологии в Северо-Западном колледже, Огайо

В научной и популярной литературе не принято упоминать о садистских склонностях Дарвина. Одна из его страстей была связана с охотой, стрельбой, огнестрельным оружием. Подобный интерес не был редкостью в Англии XIX века, однако в случае Дарвина дело заходило гораздо дальше, чем у большинства его современников, для которых охота – как и в наши дни – была средством раздобыть пропитание и (или) спортом. Для Дарвина же охота была манией, и поведение его в ходе этого занятия граничило с садизмом.

Эта тайная сторона сущности Дарвина начала проявляться довольно рано – в склонности ко лжи и воровству, целью которых было создать вокруг себя шумиху и привлечь к себе внимание. По собственным словам Дарвина, еще ребенком он зачастую намеренно выдумывал небылицы, и всегда с одной целью – вызвать шум и суматоху (1958, p. 23). Дарвин признается и в том, что воровал – просто ради удовольствия (p. 24). А вот и довольно яркий пример его садистских наклонностей: мальчишкой Дарвин «избил щенка… просто чтобы испытать чувство власти». Он даже признавался, что впоследствии испытывал угрызения совести – то есть понимал, что поступает дурно (p. 27). В это время он еще верил в Бога – возможно, этим частично и объясняется его чувство вины (p.25).

Садистские побуждения Дарвина

Хотя Дарвин научился обращаться с ружьем, когда ему не было еще и пятнадцати лет, страстью это начало становиться лишь тогда, когда он убил свое первое животное. Его «страсть к стрельбе… оставалась с ним на протяжении всех лет учебы, да и позже» (Gale, 1982, p. 9). Дарвин настолько любил убивать, что, впервые застрелив птицу, буквально дрожал от возбуждения. Его собственные слова, зафиксированные в биографии, красноречиво свидетельствуют о том, какую важную роль играло в его жизни убийство животных: «В старших классах школы я страстно полюбил стрелять, и *не думаю, чтобы кто-то был способен выказывать большее рвение к самому святому делу, нежели я – к охоте на птиц*. Прекрасно помню, как убил первого своего бекаса; от возбуждения у меня так дрожали руки, что я не сразу смог перезарядить ружье. Эта страсть длилась долго, и я стал отличным стрелком» (1958, pp. 44. – *Курсив мой. – Дж. Б.*). В автобиографии Дарвина есть строки: «Как же я обожал стрелять!» (p. 55) — и: «Если на свете есть счастье, то это оно» (цит. по Browne, p. 109). Он заявлял даже: «Усердие мое было столь велико, что, ложась в постель, я ставил охотничьи сапоги рядом с кроватью, чтобы утром надеть их немедленно, не теряя времени» (p. 54).

К 1828 году стремление убивать животных достигло таких размеров, что прежнего снаряжения уже не хватало. Дарвин хотел более мощное ружье, двустволку, и попросил денег у отца и сестры. Он пригрозил им, что если будет по-прежнему пользоваться старым ружьем, последствия будут ужасны: оно, по его словам, могло в любой момент «лишить вышеозначенного Чарльза Дарвина ног, рук, туловища и мозгов» (Browne, p. 110). Ружье он вскоре получил и, будучи уже студентом Кембриджа, пользовался им для упражнений в стрельбе. Когда нельзя было выйти в лес, он стрелял прямо у себя в комнате! В Кембридже он вступил «в спортивное общество», где «много пили, охотились и ездили верхом» (Gale, p. 13).

Браун пишет, что в юности, примерно после 1826 года, каждое лето и осень Дарвин охотился на птиц и других животных. Те же месяцы, когда он не стрелял, проходили «за изучением книг об оружии и выписыванием полезной информации о калибрах», необходимых для охоты на разные виды птиц (Browne, p. 110). Дарвин собрал множество книг – таких, как «Советы бывалого охотника молодому» (*Instructions for Young Sportsmen by an Old Sportsman*), позволявших ему совершенствовать и без того изрядные навыки убийства животных. «Любимая охота» занимала первое место в его жизни (Gale, p. 144).

Эта безудержная страсть настолько овладела Дарвином, что ему трудно было дождаться начала охотничьего сезона. Поэтому он задумывался о размерах «штрафов за внесезонную охоту» и даже собирался нарушить закон, поскольку «ни один егерь не вправе потребовать вашу лицензию, не показав вначале свою» (Browne, p. 110). При этом Дарвин ясно осознавал свою одержимость стрельбой и убийством животных, поскольку однажды он сказал: «Я, должно быть, полуосознанно стыдился своей страсти, ибо пытался убедить себя, что стрельба – занятие едва ли не интеллектуальное» (p. 55).

Эта одержимость Дарвина хорошо известна. В юности страсть к охоте владела им, как никакая другая; правда, впоследствии столь же важное место в его жизни заняла наука. Браун отмечает: «Единственным предметом, который для Дарвина мог сравниться с микроскопом, было ружье – и оно у него имелось. Охота полностью поглощала те его мысли, которые не были посвящены жукам» (p. 109). Сам Дарвин признавал, что охота долгое время была для него важнее, чем наука: «Я отправился в Бармут навестить кембриджских приятелей, которые там преподавали, а оттуда вернулся в Шрусбери и Майр, чтобы поохотиться; ибо в то время я счел бы безумием променять на геологию или любую другую науку бесценные первые дни сезона охоты на куропаток» (p. 71).

Дарвин даже разработал систему, позволявшую ему аккуратно подсчитывать своих многочисленных жертв. Список подразделялся на куропаток, зайцев и фазанов, чтобы постоянно велся учет «всего, что он убил за сезон» (Browne, p. 110). Насколько важна была для Дарвина охота, показывает следующий эпизод: «Я вел строгий учет, не упуская ни одной

птицы, подстреленной мною, за весь сезон. Однажды, охотясь… я подумал, что со мной обращаются бесчестно: всякий раз, когда я стрелял и полагал, что убил птицу, один из двоих моих спутников делал вид, будто перезаряжает ружье, и кричал: «Эту не считай, я стрелял одновременно с тобой!» – и егерь поддерживал этот розыгрыш. Через несколько часов они объяснили мне, что это была шутка, но мне было не смешно – ведь я подстрелил много птиц, но не знал, сколько именно, и не мог занести их в свои учетные записи… И мои коварные друзья прекрасно это понимали» (Darwin, p. 54). Браун делает вывод, что для Дарвина с эмоциональной точки зрения подсчет убитых животных был не менее важен, чем сама охота. В этом проявляется одержимость – сродни мании преступника, делающего насечки на стволе после каждого убийства. Даже отец Дарвина с тревогой отмечал эту одержимость. Однажды он сказал, что Чарльз «не интересуется ничем, кроме стрельбы, собак и ловли крыс» и в итоге «станет позором» для него (отца) и всей семьи (Darwin, p. 28).

Сам Дарвин порой выражал сожаления по поводу того, что в молодости слишком много времени тратил на охоту, но никогда не сожалел о своей кровожадности – только об излишнем рвении. Согласно Боулеру (p. 39), у Дарвина «развилось пристрастие к стрельбе, которое оставалось с ним и в университетские дни, но потом он отверг его как бессмысленное убийство». Конечно же, это было не просто бессмысленное убийство, но нечто гораздо худшее. Нельзя не задуматься о том, какую роль могло сыграть это пристрастие к убийству в разработке дарвиновской безжалостной и беспощадной теории естественного отбора с ее принципом «выживания наиболее приспособленных».

Взгляды Дарвина существенно расходились с убеждениями некоторых членов его семьи. Сестра его считала, что нельзя убивать даже насекомых для коллекций, а нужно «собирать только мертвых» (Desmond and Moore, p. 16). Дарвин нехотя соглашался с ней, признав, что «было неправильно убивать насекомых просто ради сбора коллекции» (Darwin, p. 45). Позже, однако, он отверг этот идеал и активно занимался коллекционированием. Подход Дарвина к сбору коллекций расходится и со взглядами кое-кого из прославленных биологов. Так, знаменитый профессор Август Форель говорил, что когда он был ребенком, ему разрешали собирать только мертвых насекомых, а потом, в 1859 году, ему позволили собирать живые экземпляры – после того как его дядя, тоже энтомолог, научил его умерщвлять их безболезненно (1937, p. 33).

Дарвин писал о своем отце (который, между прочим, был врачом): «До конца его дней от одной мысли об операции ему становилось едва ли не дурно, и он с трудом выносил вид крови» (1958, p. 30). Любопытно, что Дарвин присутствовал на двух «тяжелых операциях», на одной из них – еще ребенком, но не мог досидеть до конца, потому что «это было задолго до благословенной эры хлороформа» (p. 48). Гораздо спокойнее он чувствовал себя при «набивании чучел птиц», обучаясь навыкам таксидермии (p. 51).

Не поразительно ли, что при всем при этом Дарвин говорил о садизме Бога? В письме другу, профессору Хукеру, от 13 июля 1856 года он рассуждал о цветочной пыльце, «в отношении которой природа кажется нам такой неуклюжей и расточительной»: «Какую книгу мог бы написать священник дьявола об этих неуклюжих, разорительных, неумелых, низких и ужасающе жестоких делах природы!» (Darwin, p. 1990, p. 178). В другом письме, к Аса Грею, от 22 мая 1860 года, Дарвин писал, что не может поверить в христианского Бога-Творца, потому что в мире столько страданий. «Я не могу убедить себя, что благой и всемогущий Бог намеренно замыслил и сотворил бы *Ichneumonidae* [насекомых-паразитов], кормящихся живыми гусеницами, или кота, играющего с мышью» (Darwin, 1993, p. 224). Верх иронии заключается в том, что Дарвин отрицает существование Бога, приписывая Ему те же дела, которые сам творил в юности.

Выводы

Очевидно, что Дарвин испытывал ненасытное желание убивать животных. Особенно остро это проявлялось в молодости, когда он был в расцвете сил. К сожалению, большинство авторов обходит стороной эту черту Дарвина и то, какое влияние она оказала на его мировоззрение; упоминают лишь, что он любил охотиться (вряд ли этот термин верно объясняет положение дел). Возможно, авторы избегают этой темы потому, что в наши дни многие ученые (и не только они) обожествляют Дарвина, а вот убийство ради прихоти сегодня отнюдь не считается доблестью.

Дарвина часто называют одним из самых великих ученых XIX века, а то и вовсе величайшим ученым всех времен и народов; он – один из немногих мужей науки, чье имя знакомо почти каждому американцу. Но чтобы понять Дарвина как личность, понять его побуждения, необходимо учитывать его почти патологическую страсть к убийству и то влияние, которое она, скорее всего, оказала на его теорию естественного отбора.

Литература

Bowler, Peter J. 1990. *Charles Darwin; The Man and His Influence*. Cambridge, MA: Basil Blackwell.

Browne, Janet. 1995. *Charles Darwin: Voyaging*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Darwin, Charles. 1958. *The Autobiography of Charles Darwin 1809-1882*. New York: Norton. Autobiography. New York: W. W. Norton. Edited by Nora Barlow.

1990. *The Correspondence of Charles Darwin. Volume 6 1856-1857*. New York: Cambridge University Press. Edited by Frederick H. Burkhardt and Sydney Smith.

1993. *The Correspondence of Charles Darwin. Volume 8*. New York: Cambridge University Press. Edited by Frederick Burkhardt.

Desmond, Adrian and James Moore. 1991. *Darwin: The life of a Tormented Evolutionist*. NY. Warner Books.

Forel, August. 1937. *Out of My Life and Work*. New York: W. W. Norton.

Gale, Barry G. 1982. *Evolution Without Evidence: Charles Darwin and* The Origin of Species. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press.

Jerry Bergman. **Darwin's passion for hunting and killing**
Institute for Creation Research, Impact#383 Перевод Д. Маркова под ред. А. Мусиной
Христианский научно-апологетический центр, 2007. Буклет № 138
95011 Симферополь - 11, "Момент Творения"
www.scienceandapologetics.org

При перепечатке ссылка обязательна